

Синклер ЛЬЮИС

Синклер
Льюис

У нас это невозможно

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Л91

Серия «XX век — The Best»

Sinclair Lewis

IT CAN'T HAPPEN HERE

Перевод с английского З.С. Выгодской

Стихи в переводе Н.И. Сидемон-Эристави

Компьютерный дизайн В.А. Воронина

Печатается с разрешения The Estate of Sinclair Lewis
и литературных агентств McIntosh and Otis и Andrew Nurnberg.

Льюис, Синклер.

Л91 У нас это невозможно : [роман] / Синклер Льюис ; [пер. с англ. З.С. Выгодской]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 544 с. — (XX век — The Best).

ISBN 978-5-17-103525-9

Роман «У нас это невозможно» — классическое произведение в жанре альтернативной истории и одновременно сильный и мрачный роман-предупреждение о том, что фашизм, если позволить ему поднять голову, может наступить в любой стране.

Честолюбивый политик приходит к власти, используя самые низменные инстинкты простого народа, изображая себя защитником традиционных ценностей и обещая вернуть стране былую мощь.

И очень скоро уютная, по-хорошему провинциальная и консервативная «одноэтажная Америка» 1930-х превращается в диктатуру, где преследуют всякое инакомыслие, уничтожают под корень свободную прессу, а противников режима вынуждают эмигрировать или бросают за решетку...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Sinclair Lewis, 1935

© Renewed, Michael Lewis, 1963

© Перевод, стихи. Н.И. Сидемон-Эристави, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

ISBN 978-5-17-103525-9

Парадная столовая отеля «Уэссекс», с позолоченными панелями и стенной росписью в виде горных ландшафтов, была заказана для обеда с участием дам, устроенного Ротарианским клубом Форта Бьюла.

Здесь, в Вермонте, все это проходило не столь колоритно, как где-нибудь в прериях Запада. Но, разумеется, были и свои забавные номера: очень развеселили всех Медэри Кол (мукомольная мельница и продуктовая лавка) и Луи Ротенстерн (ремонт одежды, утюжка и чистка), объявившие, что они и есть те самые исторические вермонтцы — Брайхэм Янг и Джозеф Смит; их шутки по поводу своего воображаемого многоженства были рассчитаны на то, чтобы подразнить дам. Но в целом вечер носил серьезный характер. В Америке после семи лет депрессии, начавшейся в 1929 году, все носило серьезный характер. После мировой войны 1914—1918 годов прошло достаточно времени, чтобы молодежь, родившаяся в 1917-м, созрела для учебы в университете... или же для участия в новой войне, в сущности, в любой войне, какая окажется подходящей.

Этот вечер был устроен ротарианцами вовсе не для забавы. С патриотической речью к собравшимся обратился бригадный генерал в отставке Герберт Эджуэйс, сердито развивавший тему «Мир через оборону. Миллионы — на вооружение. Ни цента на кон-

трибуцию», — а потом выступила миссис Аделаида Тарр-Гиммич, прославившаяся не столько своей смелой антисуфражистской кампанией, сколько своим остроумным способом удерживать во время мировой войны американских солдат от посещения французских кафе — путем посылки на фронт десяти тысяч комплектов домино.

Ни один патриот, болеющий за интересы общества, не мог пренебрежительно отнестись к ее недавнему, не получившему, правда, достаточной поддержки предложению охранять чистоту американской семьи путем устранения из кинематографической промышленности всех лиц — актеров, директоров или кинооператоров, — которые: а) были хоть раз разведены, б) родились в чужой стране — исключая Великобританию, поскольку миссис Гиммич была очень высокого мнения о королеве Марии, — или в) уклонялись от принесения присяги на верность флагу, конституции, Библии и другим чисто американским святыням.

Ежегодный обед с участием дам являл собой весьма респектабельное зрелище: был представлен весь цвет общества Форта Бьюла. Почти все дамы и большинство мужчин блистали вечерними туалетами, и ходили слухи, что до начала торжества избранный круг гостей в строго секретном порядке угощался коктейлями в 289-м номере того же отеля. На столах, расположенных по трем сторонам просторного помещения, горели свечи, сверкали хрустальные блюда со сладостями и поджаренным миндалем; столы были уставлены статуэтками Микки-Мауса, бронзовыми ротарианскими колесами и маленькими шелковыми американскими флажками, воткнутыми в позолоченные крутые яйца. Одну из стен украшал плакат «Общественный долг —

превыше всего!», а меню обеда — сельдерей, суп-пюре из томатов, жареная рыба, куриные крокеты, горошек и различные сорта мороженого — являло лучшие образцы кухни отеля «Уэссекс».

Все слушали, разинув рот. Генерал Эджуэйс заканчивал свою мужественную, но весьма туманную речь о национализме:

— ...ибо Соединенные Штаты — единственная страна среди великих держав, которая не стремится к завоеваниям. Самое большое наше желание — это чтобы нас наконец оставили, черт побери, в покое! С Европой нас связывает по-настоящему лишь одно: мы в поте лица воспитываем грубые, невежественные толпы, которые Европе заблагорассудилось прислать к нам, мы поднимаем их до уровня, хоть сколько-нибудь приближающегося к американской культуре и благонравию. Но, как я уже указывал, мы должны быть готовы к защите наших берегов от всевозможных шаек иностранных бандитов, именующих себя «правительствами», которые с алчной завистью взирают на наши неистощимые рудники, наши высоченные леса, наши гигантские роскошные города и наши прекрасные, необозримые поля.

Впервые в мировой истории великая нация должна все больше и больше вооружаться не для завоеваний, не из чувства зависти и недоброжелательства, не для войны, а для мира! Дай бог, чтобы оружие нам никогда не понадобилось, но если другие народы не отнесутся с должным вниманием к нашим предостережениям, то, как в известном мифе о посеянных в землю зубов дракона, на каждом квадратном футе земли Соединенных Штатов, которую с таким трудом возделывали и защищали наши предки-пионеры, вырастет воору-

женный до зубов бесстрашный воин; так уподобимся же нашим перепоясанным мечами предкам, не то мы погибнем!

Обрушилась буря аплодисментов. Инспектор школ «профессор» Эмиль Штаубмейер вскочил с места и заорал: «Да здравствует генерал! Гип-гип-ура!»

На лицах всех присутствующих, обращенных к генералу и мистеру Штаубмейеру, заиграли улыбки, — на лицах всех, кроме двух-трех чудачек пацифисток и некоего Дормэса Джессэпа, издателя выходявшей в Форте Бьюла газеты «Дейли Информер», о котором поговаривали, что он парень ничего себе, только малость циник. Джессэп наклонился к своему другу, преподобному мистеру Фоку, и прошептал:

— Нашим предкам-пионерам досталась не бог весть какая важная работа — ковыряться на участке аризонской земли в несколько квадратных футов!

Блистательной вершиной названного обеда явилась речь миссис Аделаиды Тарр-Гиммич, которую по всей стране звали «девушкой наших йонки*», потому что во время мировой войны она называла парней из экспедиционных войск — «нашими йонки». Она не только посылала солдатам на фронт домино, ее первоначальный замысел был гораздо смелее. Она хотела снабдить каждого фронтовика канарейкой в клетке. Подумать только, ведь это так бы скрасило их одиночество, и они бы вспоминали родимый дом, матерей! Милая маленькая канарейка! И как знать, а вдруг их удалось бы приучить искать вшей?!

Воодушевленная своей идеей, миссис Тарр-Гиммич проникла к самому начальнику интендантского

* Вместо «янки».

управления, но этот напыщенный, тупоголовый чиновник отказал ей (вернее, отказал беднякам, тоскующим в грязи окопов), трусливо пробормотав какую-то ерунду: у него, мол, нет транспортных средств для канареек. Говорят, глаза ее метали искры, когда она посмотрела в лицо этому чинуше — ни дать ни взять Жанна д'Арк в пенсне — и сказала ему несколько теплых слов, которых он никогда не забудет!

В те славные времена женщины действительно имели возможность проявить себя. У них была возможность посылать на фронт своих мужчин или чужих мужчин — все равно. Миссис Гиммич называла каждого солдата, которого ей случалось повстречать, «дорогим своим сыночком», а уж она, бывало, не пропустит ни одного, кто только отважится приблизиться к ней на расстояние двух кварталов. Рассказывали, что однажды она приветствовала таким образом капитана военно-морских сил, произведенного в офицеры из рядовых, и тот ответил ей: «У нас, дорогих сыночков, мамаш сейчас хоть отбавляй. Я лично предпочел бы иметь побольше любовниц». Рассказывали, что она отчитывала его за это ровно час семнадцать минут по наручным часам капитана, позволяя себе передышку лишь для того, чтобы откашляться.

Впрочем, заслуги ее перед обществом не ограничивались доисторической эпохой. Еще совсем недавно, в 1935-м, она взялась за чистку кинофильмов, а до этого выступала в качестве сторонницы «сухого закона», а потом стала его противницей. В 1932 году (когда миссис Гиммич было навязано право голоса) она состояла членом республиканской комиссии и ежедневно посылала президенту Гуверу длинные телеграммы, содержавшие всевозможные советы.

Кроме того, будучи сама, к несчастью, бездетной, она являлась признанным лектором и автором книг по вопросам воспитания детей, и ее перу принадлежит целый том детских стихов, включающий такие бес-
смертные строки:

Мячики уснули, — пусть их не тревожат,
Ну, а шарики — те спят прямо у их ножек*.

Но неизменно, будь то 1917 или 1936 год, она была ревностным членом ДАР — общества «Дочери американской революции».

ДАР (размышлял в этот вечер циник Дормэс Джес-сэп) — это довольно крупная организация, такая же путаная, как теософия, теория относительности или фокусы индусских факиров. И все они в чем-то схожи. Организация эта состоит из женщин, тратящих одну половину своего времени на то, чтобы хвастаться своим происхождением от свободолюбивых американских колонистов 1776 года, а вторую, чтобы яростно нападать на своих современников, исповедующих именно те принципы, за которые боролись эти колонисты.

ДАР (размышлял Дормэс) стала такой же непогрешимой, такой же не подлежащей критике организацией, как католическая церковь или Армия спасения. С той, однако, разницей, что всякого разумного человека она заставляет хохотать до упаду, ибо умудрилась стать такой же смешной, как недоброй памяти Ку-клукс-клан, причем ей даже не понадобилось для этого напяливать, подобно членам ККК, дурацкие колпаки и ночные рубашки.

* Перевод стихов здесь и далее Н.И. Сидемон-Эристави.

Таким образом, занималась ли миссис Аделаида Тарр-Гиммич укреплением морали воинов, старалась ли убедить литовские хоровые общества начинать программу своих выступлений с гимна «Колумбия — жемчужина океана», она всегда и везде неизменно оставалась верной ДАР; это подтверждало и ее выступление на обеде ротарианцев Форты Бьюла в описываемый нами чудесный майский вечер.

То была невысокая полная женщина со вздернутым носом. Ее пышные седые волосы (ей было шестьдесят — столько же, сколько и скептику Дормэсу Джессэпу) выбивались из-под девически молодежавой соломенной шляпки с мягкими полями; одета она была в платье из набивного шелка, на шее — громадная нитка хрустальных бус; на пышной груди красовалась окруженная ландышами орхидея. Ее раширало от благосклонности ко всем присутствующим мужчинам; она трепетала перед ними и ласлилась к ним и голосом, нежным, как флейта, и сладким, как шоколадная подливка, распевала о том, «как вы, мальчики, можете помочь нам, девочкам».

Женщины, говорила она, не сумели использовать предоставленное им право голоса. Если б только Соединенные Штаты послушались ее в 1919 году, она бы избавила их от всех неприятностей*. Нет! И еще раз нет! Никаких избирательных прав! Женщина должна занять свое привычное место в семье, и — как сказал великий писатель и ученый мистер Артур Брисбейн — «если женщина и должна что-либо делать, так это родить шестерых детей».

* В 1919 году после многолетней борьбы передовой общестственности американским женщинам были предоставлены избирательные права.

Тут речь миссис Гиммич была прервана самым наглым, возмутительным образом.

Это сделала некая Лоринда Пайк, вдова небезызвестного унитариянского проповедника, владелица загородного пансиона под названием «Таверна долины Бьюла», молодая женщина с обманчивой внешностью Мадонны, со спокойными глазами и мягкими каштановыми волосами, разделенными посредине пробором; голос у нее был нежный, и она часто смеялась. Но, когда она выступала с трибуны, голос ее гремел, как медь, а глаза яростно горели. Ее считали озорницей и сумасбродкой. Она постоянно вмешивалась в дела, которые ее вовсе не касались, и на городских собраниях всегда все критиковала, обсуждался ли вопрос о тарифах электрической компании, о жалованье школьным учителям или же о деятельности ассоциации духовных лиц по изъятию из публичных библиотек аморальных книг. И сейчас, когда все должно было проходить под знаком Умиротворения и Дисциплины, миссис Лоринда Пайк нарушила идиллию, насмешливо бросив:

— Да здравствует Брисбейн! Но что, если какой-либо бедняжке не удастся подцепить мужа?! Как ей быть тогда? Родить своих шестерых детей вне брака?

Тогда Риммич, этот старый боевой конь, ветеран сотни кампаний против красных ниспровергателей, отважно ринулась в схватку:

— Милая моя! Если бедняжка, как вы сказали, обладает настоящим очарованием и женственностью, ей не придется «ловить» мужа... Она найдет их целую шеренгу у своего порога. (Смех и аплодисменты.)

Грубьянка Пайк только разожгла благородную страсть миссис Гиммич. Она больше не ластилась к своим слушателям, она рванулась в бой:

— Да, друзья мои, беда нашей страны в том, что у нас так много эгоистов! У нас сто двадцать миллионов населения, и девяносто пять процентов думает только о себе, вместо того чтобы дружно взяться и помочь разумным деловым людям возродить процветание! А все эти продажные и своекорыстные профсоюзы! Жадные стяжатели! Они только и думают о том, как бы вырвать побольше зарплату у несчастных предпринимателей, на которых падает все бремя ответственности!

Наша страна больше всего нуждается в дисциплине! Мир — это великая мечта, но зачастую не более чем мечта!

По-моему... возможно, мои слова поразят вас, но я прошу вас выслушать женщину, которая скажет вам неприкрашенную, суровую правду, а не сентиментально-сладкий вздор... По-моему, чтобы научиться Дисциплине, нам нужно снова пережить настоящую войну! Не надо нам всей этой интеллектуальности, всей этой книжной учености! Может быть, все это в своем роде и хорошо, но не является ли это, в сущности, приятной игрушкой для взрослых? Нет, что нам всем действительно нужно, если только наша великая страна хочет сохранить свое высокое положение в конгрессе народов, — это Дисциплина... Сила воли... Характер!

Затем она с кокетливой улыбкой обратилась к генералу Эджуэйсу:

— Вы говорили нам о том, как обеспечить мир, но, генерал... между нами — ротарианцами и ротарианками — признайтесь-ка по чести! Вы, человек с боль-

шим опытом, не думаете ли вы, честно, положи руку на сердце, что может быть... что вполне возможно... когда страна помешалась на деньгах, как все наши профсоюзы и рабочие с их пропагандой повышения подоходного налога, означающей, что бережливым и усердным придется содержать неумелых и никчемных, что, может быть, война была бы неплохим средством, — чтобы спасти их пропащие души и внедрить в них хоть каплю железного мужества? Скажите же нам ваше настоящее, сокровенное мнение, мон генераль!

Она села с драматическим видом, и звуки хлопков наполнили комнату, как туча пушистых перьев. Собрание бушевало:

— А ну-ка, генерал! К ответу! Скажите ваше мнение! Примите вызов, генерал!

Генерал был низенький и кругленький; его красное лицо, гладкое, словно задок ребенка, украшали очки в золотой оправе. Но он по-военному фыркал и мужественно смеялся.

— Что ж, ладно! — захохотал он, поднимаясь и дружески грозя пальцем миссис Гиммич. — Если вы все твердо решили выведать секрет у бедного солдата, то лучше я уж признаюсь: хотя я ненавижу войну, но есть вещи и похуже. Ах, друзья мои, гораздо хуже! Это — состояние так называемого «мира», когда рабочие организации заражены, словно чумными микробами, безумными идеями анархической красной России! Состояние «мира», когда университетские профессора, журналисты и видные писатели тайно распространяют все те же возмутительные обвинения против Великой старой конституции! Состояние «мира», когда одурманенный этим духовным ядом народ стал слабохарактерным, трусливым, жадным, не знающим

воинской гордости! Нет, такой «мир» гораздо хуже самой ужасной войны!

Боюсь, что, судя по моему предыдущему выступлению, в котором я ограничился общеизвестными истинами, вы могли счесть меня за «старую шляпу», как было принято у нас выражаться, когда моя бригада стояла в Англии.

Я сказал, например, что Соединенные Штаты стремятся только к миру и не хотят впутываться ни в какие иностранные дела. Но нет! Чего мне действительно хочется, так это чтобы мы выступили и сказали всему миру: «Вот что, ребята, — никаких оглядок на мораль! Мы — сила, а сильный всегда прав!»

Я вовсе не восхищаюсь всем, что произошло в Германии и Италии, но мы должны признать, что у них оказалось достаточно честности и здравого смысла, чтобы сказать другим народам: «Занимайтесь своими собственными делами, понятно?» Мы обладаем силой и волей, а всякий обладающий этими божественными качествами не только вправе, но и обязан их использовать! Никто во всем мире никогда не любил слабых... да и слабые сами себя не любят!

А теперь я могу сообщить вам хорошие новости! Проповедь неприкрытой наступательной силы очень быстро распространяется в нашей стране среди лучших представителей молодежи. В настоящий момент лишь семь процентов высших учебных заведений еще не ввели у себя военного обучения с такой же строжайшей дисциплиной, как у наци, причем если раньше это навязывалось сверху, то теперь здоровые молодые мужчины и женщины сами заявляют о своем праве овладевать военным искусством... и заметьте себе, девушки, обучающиеся уходу за больными, из-